

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.61/.64

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-6-103-117>

О соотношении интересов родителей и иных лиц, проживающих с ними, в осуществлении родительских прав

А.В. Гринева ¹✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉e-mail: annagrinn@rambler.ru

Резюме

Актуальность. Субъектами современной семьи на практике все чаще признаются не только родители и дети, но и иные лица, проживающие как вместе, так и отдельно от родителей (одного из них), поднимая тем самым проблемы их участия в воспитании ребенка. Среди значимых правовых лакун данной темы можно выделить отсутствие: соответствующей терминологии; порядка применения мер семейно-правовой ответственности при ненадлежащем воспитании ребенка; законных оснований прекращения родительских правоотношений между соответствующим родителем и ребенком, а также непосредственно между родителями, при перемене пола одним из супругов. Исследование данных проблем и соотношения интересов различных участников родительских правоотношений поможет выявить и устранить потенциальные конфликты, обеспечив защиту прав и интересов детей.

Целью исследования выступает определение соотношения интересов родителей и иных лиц, проживающих с ними, в осуществлении родительских прав.

Задачи исследования: определение субъектного состава лиц, участвующих в родительских правоотношениях; определение круга иных лиц, участвующих в воспитании ребенка и проживающих как вместе с родителями, так и отдельно от них; обоснование необходимости правового закрепления статуса таких лиц.

Методология. Статья выполнена на основе методов анализа, описания, дедукции, обобщения, а также формально-юридического.

Результаты. Проведенное исследование позволило установить, что наличие брака между родителями ребенка, фактических брачных отношений с участием одного из родителей, применение вспомогательных репродуктивных технологий и некоторые другие факторы оказывают влияние на формирование особого субъектного состава стороны родителей в пределах родительского правоотношения.

Вывод. Иные лица, проживающие совместно с ребенком и одним из его родителей, зачастую фактически осуществляют родительские права, не будучи наделенными при этом родительскими обязанностями и не имеющими перспективы быть привлеченными к ответственности за ненадлежащее осуществление родительских прав.

Ключевые слова: семейное законодательство; родительские правоотношения; усыновители; интересы ребенка; суррогатное материнство.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Гринева А.В. О соотношении интересов родителей и иных лиц, проживающих с ними, в осуществлении родительских прав // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 6. С. 103–117. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-6-103-117>

Поступила в редакцию 01.11.2024

Принята к публикации 29.11.2024

Опубликована 23.12.2024

On the ratio of interests of parents and other persons living with them, in the exercise of parental rights

Anna V. Grineva ¹✉

¹Southwest State University
50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: annagrinn@rambler.ru

Abstract

Relevance. The subjects of the modern family in practice are increasingly recognised not only by parents and children, but also by other persons living both together and separately from the parents (one of them), thereby raising the problems of their participation in upbringing a child. So we can distinguish several significant legal gaps of this topic as: the absence of appropriate terminology; the absence of due procedure for applying legal family liability measures for improper education of a child; the lack of legal grounds for the termination of parental relations between the relevant parent and the child, as well as between the parents, when one of the spouses undergoes sex reassignment. The study of these problems and the ratio of interests of various participants in parental legal relations will help to identify and eliminate potential conflicts, providing the protection of the rights and interests of children.

The purpose of the study is to determine the ratio of the interests of parents and other persons living with them in the exercise of parental rights.

The objectives of the study: determination of the subject composition of persons involved in parental legal relations; determination of the range of other persons participating in the upbringing of the child and living both with their parents and separately from them; justification of the need for legal consolidation of the status of such persons.

Methodology. The article is based on analysis, description, deduction, generalization and formal-legal methods.

Results. The conducted study establishes the marriage between the parents of the child, de facto marriage of one of the parents, the use of assisted reproductive techniques and some other factors affect the formation of a special parent's subject within the parental relationship.

Conclusion. Other persons, living together with the child and one of his parents, often actually exercise parental rights without holding any parental duties and can't be held liable for inadequate exercise of parental rights.

Keywords: family law; parental legal relations; adoptive parents; interests of the child; surrogacy.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Grineva A.V. On the ratio of interests of parents and other persons living with them, in the exercise of parental rights. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(6):103–117. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-6-103-117>

Received 01.11.2024

Accepted 29.11.2024

Published 23.12.2024

***

Введение

Теория родительского правоотношения предполагает наличие двух сторон субъектного состава: родители и дети, объединяя при этом, по общему правилу, обоих родителей на одной стороне как одного субъекта, имеющего право и одновременно обязанность по воспитанию и содержанию ребенка [1, с. 38]. Именно так гласит ст. 38 Конституции Российской Федерации: «Забота о детях, их вос-

питание – равное право и обязанность родителей»¹. Соответствующий принцип прослеживается и в нормах Семейного

---

¹ Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 03.10.2024).

кодекса РФ¹ (далее – СК РФ), не только прямо регламентирующих права и обязанности родителей (гл. 12 СК РФ), но и в других, так или иначе применяемых при регулировании отношений между членами семьи. Нельзя оставить без внимания также положения иного отраслевого законодательства, в частности гражданского, жилищного, трудового, социального и т. д., где модель родительского правоотношения априори воспринимается как множественность субъектов на стороне родителей (отец и мать ребенка) с наделением их в равном объеме правами и обязанностями в отношении ребенка (детей).

Да, согласимся, в некоторых случаях законодатель признает достаточным для принятия соответствующего решения выражение воли хотя бы одним из родителей ребенка, как, например, это предусмотрено в ст. 63 Трудового кодекса РФ: «С письменного согласия одного из родителей (попечителя) трудовой договор может быть заключен с лицом, получившим общее образование и достигшим возраста четырнадцати лет, для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда его здоровью...»². В то же время в большей части правовых норм, предполагающих наличие согласия родителей при совершении того или иного юридически значимого действия, затрагивающего интересы ребенка, законодатель использует конструкцию единства родителей как одного субъекта. В частности, в ст. 26

Гражданского кодекса РФ³ предусмотрено право несовершеннолетних совершать сделки «с согласия своих законных представителей – родителей, усыновителей, попечителей»; хотя при этом в ст. 27 ГК РФ присутствует уточнение, в соответствии с которым для принятия решения об эмансипации несовершеннолетнего необходимо согласие *обоих* родителей (курсив наш. – А.Г.).

Итак, в случаях, прямо предусмотренных законом, необходимо согласие *обоих* родителей, если только какие-либо исключения не установлены по соглашению родителей об осуществлении родительских прав [2, с. 166]. Кстати, в равной степени принцип единства родителей как стороны в родительском правоотношении прослеживается и в обязательствах по возмещению вреда, причиненного ребенком (ст. 1074 ГК РФ). Более того, полагаем необходимым отметить в контексте рассуждений о продолжительности правовых отношений между родителями и детьми: одна из особенностей статуса родителей проявляется и в том, что каждый из родителей, даже лишенный родительских прав, может быть привлечен к ответственности за вред, причиненный ребенком, если будет доказано, что соответствующее поведение ребенка стало следствием ненадлежащего осуществления родителями (одним из них) своих прав и обязанностей (ст. 1075 ГК РФ).

Таким образом, законодатель не только однозначно исходит из принципа единства матери и отца ребенка, т. е. женщины и мужчины, записанных в качестве родителей ребенка, как стороны в родительском правоотношении, но и осложняет статус родителей, в частности,

¹ Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: [ред. от 31.07.2023]: с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 03.10.2024).

² Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ: [ред. от 08.08.2024] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 03.10.2024).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: [ред. от 24.07.2023]: изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 03.10.2024).

продолжительным характером некоторых родительских обязанностей при лишении родительских прав.

Методология

Методологию исследования составили общенаучные методы. К ним можно отнести методы анализа и синтеза, позволившие сформулировать обоснованные выводы о соотношении интересов родителей и иных лиц, проживающих с ними, в осуществлении родительских прав. Конкретизация поисковых запросов по практике Конституционного и Верховного судов РФ была произведена с использованием методов дедукции и индукции. Полученный в ходе проведенного исследования эмпирический материал удалось структурировать благодаря формально-юридическому методу.

Результаты и их обсуждение

Безусловно, осуществление родительских, как и иных семейных прав, основано на усмотрении обладателя соответствующего права (ст. 7 СК РФ), однако осуществление родительских прав, что подчеркивается многими учеными, предполагает обязательный учет интересов ребенка и интересов другого родителя [3, с. 78–84]

Согласимся, это налагает определенный отпечаток на процесс осуществления родительских прав и обязанностей, но принцип равенства прав и обязанностей родителей и в таких ситуациях сохраняет свое действие в полном объеме [4, с. 46].

В то же время, на наш взгляд, совершенно необоснованно за пределами теоретического изучения остается проблема участия иных лиц, как проживающих вместе с родителями, так и проживающих отдельно от них, в воспитании ребенка. Необходимо отметить, что признак совместного проживания не имеет характер исключительного. В частности, бабушки и дедушки ребенка со стороны каждого из родителей могут проживать

отдельно, но во время встреч с ребенком и даже телефонных разговоров, переписки в мессенджерах оказывать воспитательное воздействие на внука. Согласимся с О.Ю. Ильиной в том, что «бабушки и дедушки ребенка, то есть родители его матери и отца, приобретают все права и обязанности по отношению к внуку, предусмотренные законом, независимо от того, заключен ли брак между их детьми. Полагаем эту ремарку значимой, поскольку социальные и правовые аспекты в данной ситуации взаимообусловлены, ведь до рождения внука абсолютно никаких правоотношений между одним из супругов и родителями другого супруга (соответственно: тещей, свекром, свекровью), а также между родителями каждого из супругов не возникает. При этом важно, чтобы родители каждого из супругов тоже имели «подтвержденный статус» родителей» [5, с. 1].

И если в отношении бабушек и дедушек как участников воспитательного процесса в семье законодатель устанавливает хотя бы некоторые параметры взаимодействия с родителями ребенка, наделяя и ребенка, и бабушек с дедушками правом на общение (ст. 55, 67 СК РФ), то иные лица, проживающие совместно с родителями (одним из них), находятся за пределами механизма правового регулирования отношений между родителями и детьми.

На наш взгляд, исследование вопроса участия в воспитании ребенка иных лиц, проживающих совместно с его родителями (одним из родителей), следует соотносить с содержанием ст. 54 СК РФ, наделяющей ребенка правом жить и воспитываться в семье. Что следует понимать в данном случае под семьей, круг каких лиц может быть сопоставлен с понятием «члены семьи» и, что не менее важно, членом какой семьи является ребенок?

Справедливости ради отметим, что законопроект №232-772-8, инициированный Правительством Российской Феде-

рации и даже принятый в первом чтении Государственной Думой¹, содержит понятие «проживающие совместно с ним лица», что соотносится с лицом, желающим усыновить (удочерить) ребенка или взять его под опеку либо попечительство. Так, в п. 2 ст. 125 СК РФ предлагается закрепить норму, согласно которой социально-психологическое обследование, заключение по результатам которого должно учитываться при принятии решения органом опеки и попечительства или судом, необходимо проводить в отношении не только потенциального усыновителя, но и проживающих совместно с ним лиц (его супруга, если заявитель состоит в браке, близких родственников и других лиц, достигших возраста десяти лет). Логичным видится и правило, согласно которому лицо, намеревающееся усыновить ребенка, с целью подготовки названного заключения сообщает в орган опеки и попечительства сведения о проживающих совместно с ним лицах.

На первый взгляд все кажется понятным и вполне обоснованным. Вот только кто эти лица, совместно проживающие с родителем и прямо либо опосредованно принимающие участие в воспитании ребенка? Как самый распространенный вариант, безусловно, это лицо, состоящее в фактических брачных отношениях с родителем или же потенциальным усыновителем. Но ситуация может измениться в любой момент, что не исключает последовательного участия нескольких лиц, состоящих в фактических брачных отношениях с родителем ребенка, в воспитании последнего. Учитывая, что никакие меры семейно-правовой ответственности не применяются даже к отчиму (мачехе) при ненадлежащем вос-

питании пасынка либо падчерицы, то уж о так называемом «фактическом супруге» вообще нет упоминания.

Примечательно, что в названном нами ранее законопроекте предлагается внести коррективы и в ст. 127 СК РФ, предусматривающую перечень требований, предъявляемых к усыновителям. Так вот, по замыслу разработчиков законопроекта, «усыновителями не могут быть лица, проживающие совместно с лицами, относящимися к категориям, указанным в подпункте 10 пункт 1 настоящей статьи (с супругом в случае, если лицо, желающее усыновить ребенка, состоит в браке, с близкими родственниками и с другими совершеннолетними или несовершеннолетними лицами), в случае признания судом таких лиц представляющими опасность для жизни, здоровья и нравственности усыновляемого ребенка».

Кстати, именно отношения в связи с предполагаемым усыновлением стали объектом пристального внимания Конституционного Суда РФ, что впоследствии повлекло внесение изменений в редакцию п. 10 ст. 127 СК РФ². Так, гражданин К.С. и гражданка Р.С., состоящие в браке между собой, воспитывали ребенка, отцом которого является К.С. Ребенок был зачат в результате применения процедуры искусственной инсеминации, родила его сестра К.С., последний же является биологическим отцом ребенка. Биологическая мать отказалась от родительских прав в отношении ребенка, в связи с чем Р.С. обратилась в суд с заявлением

---

¹ Законопроект №232-772-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты прав детей» // СОЗД ГАС «Законотворчество»: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232772-8> (дата обращения: 09.10.2024).

---

² По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С.: постановление Конституционного Суда РФ от 20 июня 2018 г. № 25-П // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300623/ (дата обращения: 03.10.2024).

об усыновлении ребенка своего мужа. При этом Р.С. указала в заявлении, что три года назад, находясь в медицинском учреждении, была заражена ВИЧ-инфекцией и гепатитом С, не уклонялась от лечения этих заболеваний.

Руководствуясь Перечнем заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить ребенка или взять под опеку (попечительство)¹, суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявления Р.С., суд апелляционной инстанции тоже посчитал невозможным усыновление ребенка в связи с наличием у потенциального усыновителя (заметим – супруги отца ребенка) названных инфекционных заболеваний.

Конституционный Суд РФ отметил, что мировое сообщество уже давно признало наличие у человека ВИЧ-инфекции как состояние, не создающее угрозу для здоровья населения, ведь данный вирус передается посредством конкретных контактов. Да, действительно, совместное проживание усыновленного и усыновителя, являющегося носителем ВИЧ-инфекции, создает больше условий для возможной передачи ребенку инфекции, именно поэтому и установлено соответствующее ограничение для усыновителей, дабы не подвергать здоровье детей чрезмерному риску.

В то же время, как считает Конституционный Суд РФ, взаимосвязанные положения ст. 127 СК РФ и п. 2 указанного Перечня заболеваний не должны быть единственным основанием для суда, отказывающего в удовлетворении заявления об усыновлении при подтверждении

одного лишь факта наличия у потенциального заявителя ВИЧ-инфекции и гепатита С.

Исходя из интересов ребенка, интересов его биологического отца и супруги отца, не только проживающей совместно с ними, но и принимающей активное участие в надлежащем воспитании и содержании ребенка, Конституционный Суд РФ постановил пересмотреть соответствующие судебные акты. Значимый акцент был сделан и на цели усыновления: судебное решение об усыновлении позволит лишь оформить уже сложившиеся фактические родительские отношения между Р.С. и ребенком, при этом наличие у супруги отца (мачехи ребенка) ВИЧ-инфекции не увеличит ни в коем случае риски для здоровья ребенка, поскольку длительный период времени они уже находятся в пределах одного жизненного пространства.

Приведенный пример позволяет нам продемонстрировать особенности формирования модели родительского правоотношения при усыновлении ребенка лицом, совместно проживающим с родителем и состоящим с ним в браке, т. е. отчимом или мачехой.

Напомним, что в названном выше законопроекте среди лиц, совместно проживающих с лицом, желающим усыновить ребенка, названы не только супруг, но и «близкие родственники и другие лица, достигшие возраста десяти лет»). Понятно, что такие лица не могут быть усыновителями, потому как закон запрещает усыновление одного и того же ребенка лицами, не являющимися супругами (п. 4 ст. 127 СК РФ).

Итак, «классический» вариант, когда в воспитании ребенка, что, согласимся, однозначно соотносится с процессом осуществления родителями своих родительских прав и обязанностей, участвуют бабушки и дедушки как близкие родственники ребенка, реализуя предоставленное законом право на общение с внуком (внучкой). Достаточно широкое рас-

¹ Об утверждении перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью: постановление Правительства РФ от 14 февр. 2013 г. № 117: [ред. от 11.07.2020] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151525/ (дата обращения: 03.10.2024).

пространение получил и вариант участия в воспитании ребенка лица, проживающего с одним из родителей и, соответственно, с ребенком, при отсутствии каких-либо правовых оснований для такого участия. Признавая такой вариант семьи социальным институтом, не можем не отметить необходимость и правовой регламентации возникающих отношений между ребенком и квазиотчимом (квази-мачехой) [6, с. 135].

На наш взгляд, не менее проблематичной видится ситуация участия в воспитании ребенка и непосредственного воздействия на процесс формирования интересов родителей в рамках родительского правоотношения иных лиц, кроме относительно «привычных» уже таких субъектов, как отчим (мачеха) и фактический воспитатель.

Относительно позитивно следует воспринимать в этом ключе новую редакцию ст. 16 СК РФ. В настоящее время перечень оснований прекращения брака дополнен, таковым является теперь и перемена пола одним из супругов с последующим внесением изменения в запись акта гражданского состояния. Таким образом законодатель исключил возможность существования брака между лицами, одно из которых сменило пол, т. е. так называемого «однополого брака».

С точки зрения регламентации супружеских отношений, согласимся, внесена ясность, но означает ли это прекращение родительского правоотношения между соответствующим родителем и ребенком, а также непосредственно между родителями? Ответ однозначный, нет. Как вариант можно рассматривать перспективу ограничения такого родителя в родительских правах, если смена пола и, как следствие, кардинальное изменение социально-правового статуса (например, статус матери не может соотноситься с мужским обликом и образом жизни), явно противоречат интересам ребенка. Но для установления каких-либо ограничений и уж тем более лишения такого ро-

дителя родительских прав нужны основания, обоснованность которых будет подтверждена в судебном порядке.

В то же время, как свидетельствуют исследования экспертов, смена пола не останавливает многих родителей в осуществлении своих родительских прав [7, с. 27], даже наоборот, в поведении некоторых проявляются очевидные признаки злоупотребления родительскими правами [8]. На сегодняшний день отечественной правоприменительной практике (насколько об этом возможно судить, анализируя соответствующие источники) не известны случаи лишения родительских прав родителей, которые сменили пол. Однако Н.Н. Тарусина и О.И. Сочнева уже давно ссылались в своей статье на пример судебной практики Ярославской области, когда суд принял решение о лишении родительских прав родителя, сменившего пол, поскольку публичное поведение этого родителя явно противоречило интересам ребенка [9, с. 86]. Однако однозначно можно утверждать, что участие таких лиц в воспитании ребенка явно не соответствует интересам последнего, поскольку у ребенка может сформироваться совершенно извращенное представление о социально-правовой модели семьи, о характере взаимоотношений в семье и о выполняемой родителями вместе и каждым из них роли в рамках родительского правоотношения, о соотношении прав и обязанностей, ответственности родителей и, что представляет наибольшую степень опасности, о перспективе своего семейно-правового статуса.

В связи с этим полагаем целесообразным продолжить продемонстрированный законодателем тренд по сохранению традиционных семейных ценностей и включить в перечень оснований и для ограничения, и для лишения родительских прав (ст. 69, 73 СК РФ) смену пола одним из родителей с внесением соответствующего изменения в запись акта гражданского состояния.

Думается, есть все основания обозначить проблему соотношения интересов родителей и иных лиц в рамках родительского правоотношения, если ребенок был выношен и рожден суррогатной матерью. Как правило, научные исследования в сфере суррогатного материнства представлены вопросами понятия и правовой природы заключаемых договоров, последствий ненадлежащего исполнения условий договора сторонами и т. д. [10, с. 119] Кстати, заметим, что и в данной сфере инициатива законодателя по обеспечению традиционных семейных ценностей нашла воплощение в новой редакции норм не только СК РФ, но и специального законодательства о применении вспомогательных репродуктивных технологий (ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹).

Представляется, что формирование правоприменительной практики по установлению происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, не исключает возникновение родительского правоотношения между ребенком и генетическими родителями, хотя законом установлен приоритет прав и интересов суррогатной матери.

Позволим себе не согласиться с категоричным мнением Т.Ю. Астаповой в том, что «при таком развитии судебной практики ближайшим последствием станет отсутствие шанса у суррогатных матерей в силу, конечно же, худшего материального положения сохранить ребенка себе, и как отдаленный риск – смена приоритета прав суррогатной матери на приоритет прав генетических родителей» [11]. Такой прогноз автор делает, апеллируя к актам Конституционного Суда Рос-

сийской Федерации, особому мнению отдельных судей КС РФ, а также к позиции Верховного Суда Российской Федерации.

На наш взгляд, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ демонстрируется совершенно верная установка, но это не «ставит под сомнение» приоритет суррогатной матери, как считает Т.Ю. Астапова. Итак, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил: «Вместе с тем судам следует иметь в виду, что в случае, если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись родителями указанных выше лиц (потенциальных родителей), то данное обстоятельство не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание»². Далее Пленум подчеркивает, что важно установить конкретные обстоятельства, в частности причины, в силу которых суррогатная мать отказалась дать согласие потенциальным родителям на запись их в качестве родителей. В любом случае спор должен быть разрешен в интересах ребенка.

Очевидно, необходимость более четкого разрешения подобных ситуаций объективно назрела, и в дополнение к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ требуется совершенствование непосредственно нормы СК РФ [12, с. 127]. Но это не будет каким-либо риском, требуется лишь соотнести цель заключения договора о суррогатном материнстве с существующим приоритетом прав и интересов суррогатной матери. Автор настоящей статьи уже отмечал ранее, что и заказчики по договору должны осознавать всю степень своей ответственности

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ: [ред. от 08.08.2024: с изм. от 26.09.2024] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 03.10.2024).

² О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. №16: [ред. от 26.12.2017] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216881/ (дата обращения: 03.10.2024).

как будущих родителей [13]. Это позволяет сделать вывод о необоснованном характере установленного законом приоритета, из чего, в свою очередь, явствует потребность в обеспечении прав и интересов генетических родителей (родителя) ребенка и самого ребенка как субъектов родительского правоотношения.

Полагаем возможным еще один аргумент. Для участия женщины в программе в качестве суррогатной матери необходимо согласие супруга, если будущая суррогатная мать состоит в браке. Однако муж суррогатной матери не дает согласия на возможное последующее принятие ребенка в семью на воспитание, более того, на запись его в качестве отца этого ребенка [14, с. 58–59]. Суррогатное материнство является одним из методов лечения бесплодия генетических родителей, состоящих в браке между собой, или генетической матери, не состоящей в браке, в связи с чем услуги суррогатной матери заключаются исключительно в вынашивании и рождении ребенка.

В противном случае возможна коллизия. При отказе суррогатной матери дать согласие на запись заказчиков – генетических родителей – в качестве родителей ее супруг на основании презумпции отцовства будет записан отцом? Можно ли в данном случае утверждать о надлежащем воспитании ребенка в такой семье, о единстве прав и интересов родителей как субъектов одной стороны родительского правоотношения? [15, с. 74] Полагаем, что, исходя из цели применения суррогатного материнства как вспомогательной репродуктивной технологии, следует исключить из СК РФ норму, предусматривающую приоритет прав суррогатной матери. При невозможности же генетических родителей принять ребенка, рожденного суррогатной матерью, ребенок будет иметь статус оставшегося без попечения родителей со всеми вытекающими последствиями. При условии реализации этого предложения можно будет утверждать о сохранении в обще-

стве традиционной модели родительского правоотношения, когда на одной стороне выступают родители, имеющие генетическую связь с ребенком, а не совершенно посторонний для ребенка субъект – суррогатная мать и, возможно, ее супруг. Кстати, участие в воспитании ребенка лиц преклонного возраста, например, родителей суррогатной матери, проживание совместно с родными детьми суррогатной матери может негативно отразиться на ребенке [16, с. 174].

Представители науки семейного права отмечают, что «в течение последних десятилетий в России, как и во многих зарубежных странах, наблюдается рост социального родительства, под которым понимается ситуация, когда между ребенком и его родителем или лицом, являющимся фактическим родителем, отсутствует генетическая связь» [17]. Соглашаясь с актуальностью поставленного учеными вопроса и высказанными ими опасениями о перспективах развития социального родительства, считаем все-таки юридически значимым наличие семейно-правовой связи между ребенком и лицом, имеющим право его воспитывать, так называемым «титულным воспитателем» [18, с. 549]. При этом не можем не отметить, что Пленум Верховного Суда РФ допустил возможность сохранения отношений социального родительства с учетом «длительных семейных отношений, сложившихся между ребенком и лицом, записанным в качестве его отца, устойчивой эмоциональной привязанности ребенка к этому лицу, намерения данного лица продолжать воспитывать этого ребенка и заботиться о нем как о своем собственном ребенке»¹. Напомним,

¹ О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. №16: [в ред. от 26.12.2017] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216881/ (дата обращения: 03.10.2024).

что такое разъяснение связано с обоснованием отказа в удовлетворении иска об оспаривании отцовства, заявленного матерью ребенка, но при этом не заявлено требование об установлении отцовства в отношении биологического отца ребенка ни матерью, ни, соответственно, биологическим отцом ребенка. Таким образом, налицо противоречие интересов матери ребенка и интересов лица, записанного в качестве отца, но не являющегося таковым, но исходя из наилучшего обеспечения интересов детей суд может сохранить формальное признание социального родительства.

Формирование особой модели родительского правоотношения может спровоцировать и совместное проживание неполнородных братьев и сестер, как единокровных, так и единокровных. В частности, если женщина, имеющая ребенка от предыдущего брака, вступает в новый брак, в котором через некоторое время рождается общий ребенок. Старший ребенок, продолжая общение со своим отцом, в то же время совместно проживает с отчимом, вольно или невольно подвергаясь воспитательному воздействию со стороны последнего, возможно, что и его родителей. Согласимся, у отчима фактически больше возможностей для осуществления родительских прав и обязанностей в отношении не только своего ребенка, но и в отношении пасынка. Генетический отец в силу объективных причин меньше общается с ребенком, но при этом сохраняет в полном объеме родительские права и обязанности. Таким образом, в этой и подобных ситуациях родитель может быть ограничен в возможности осуществления родительских прав, но сохраняет в полной мере ответственность за надлежащее воспитание ребенка как субъект стороны родительского правоотношения [19, с. 79]. Те же лица, с которыми проживает ребенок, фактически осуществляют родительские права в части воспитания, но не наделяются соответствующими обязанностями

и, уж тем более, не несут ответственности за воспитание ребенка, вред, причиненный ребенком, и т. д.

Кстати, очень тонко проблему возмещения вреда, причиненного ребенком, родителями, состоящими в браке между собой, и родителями, не состоящими в браке между собой, отмечает А.М. Рабец [20]. Действительно, в ст. 45 СК РФ предусматривается, что ответственность супругов за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми, определяется гражданским законодательством. Но обращение взыскания производится в соответствии с п. 2 данной статьи. Суть проблемы в том, что для супругов, по общему правилу, установлен режим совместной собственности, в то время как родители, не состоящие в браке между собой, не имеют имущества в совместной собственности.

Представляется, учитывая степень воспитательного воздействия на ребенка лиц, проживающих совместно с его родителем, не исключен вариант привлечения и их к возмещению вреда, причиненного несовершеннолетним, если будет установлено, что подобное поведение ребенка явилось следствием такого воздействия.

Как известно, и мы указали на данное обстоятельство в начале настоящей статьи, родители, один из которых проживает отдельно от ребенка, могут заключить между собой соглашение о порядке осуществления родительских прав, предусмотрев в нем и определение места жительства ребенка, и порядок, формы общения с ребенком, и даже порядок предоставления алиментов. Закон предусматривает специальные требования в отношении лишь соглашения об уплате алиментов на ребенка, по всем другим вопросам договоренность родителей может быть облечена в любую форму, лишь бы это не противоречило интересам ребенка. В контексте наших рассуждений о влиянии лиц, проживающих совместно с ребенком и одним из родителей соответ-

ственно, полагаем необходимым обозначить вопрос заключения и надлежащего исполнения родителем, с которым проживает ребенок, соглашения о порядке осуществления родительских прав.

В частности, насколько интересам ребенка будет соответствовать условие о встречах по месту его жительства? Очевидно, если в соглашении родителей такое условие было предусмотрено ранее, то впоследствии при заключении брака, установлении фактических брачных отношений соответствующим родителем вряд ли исполнение условий соглашения будет комфортным для ребенка.

Своеобразным знаменателем предложенных нами суждений, очевидно, должна стать норма, содержащаяся в ст. 63 СК РФ, а именно: «Родители имеют преимущественное право на обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами». В настоящей статье мы не будем вступать в дискуссию об этимологии понятий «обучение» и «воспитание», поскольку считаем необходимым апеллировать лишь к праву ребенка жить и воспитываться в семье, соответственно, и к преимущественному праву родителей на воспитание ребенка в семье.

Правоотношение между ребенком и мужчиной / женщиной, возникшее при удостоверении происхождения ребенка и совершении записи о родителях, сохраняется в течение всей жизни ребенка, за исключением случаев лишения родителей (одного из них) родительских прав. И то, как известно, законодатель предусматривает сохранение некоторых элементов правовой связи ребенка и родителей даже при лишении родителей родительских прав, при усыновлении ребенка. Данное правоотношение существует в пределах семьи и соответствующего семейного правоотношения. Изменение семейно-правового статуса одним из родителей (например, заключение нового бра-

ка), никоим образом не влияет на изменение статуса этого родителя в соответствующем правоотношении, существующем в пределах иной семьи как социальной группы.

Следует отметить, что совершенно не случайно и законодатель при определении предмета семейно-правового регулирования установил круг членов семьи: родители и дети, в том числе усыновители и усыновленные, супруги. Между другими родственниками, и тем более иными лицами, семейное законодательство регулирует отношения лишь в случаях и пределах, установленных СК РФ (ст. 2) [21, с. 78–79]. Представляется, именно в пределах этой социальной группы каждый из родителей имеет преимущество на воспитание своего ребенка перед всеми третьими лицами, даже являющимися субъектами иных семейных правоотношений с данным родителем, поскольку это уже другая семья. Таким образом, иные лица, проживающие совместно с обоими родителями или с одним из родителей, а также лица, которые хотя и не проживают совместно с родителями (одним из них) ребенка, но являются членами его новой семьи, также юридически играют второстепенную роль в процессе семейного воспитания ребенка при нормативном признании преимущественного права родителей.

Выводы

Проведенное нами исследование позволило представить новый для теории семейного права взгляд на соотношение понятий «семейные» и «родительские» правоотношения, субъектом которых одновременно выступает один и тот же ребенок. Наличие брака между родителями ребенка, фактических брачных отношений с участием одного из родителей, применение вспомогательных репродуктивных технологий и некоторые другие факторы оказывают влияние на форми-

рование субъектного состава стороны родителей в пределах родительского правоотношения.

Следует признать обоснованным, что иные лица, проживающие совместно с ребенком и одним из его родителей, зачастую фактически осуществляют родительские права, не будучи наделенными при этом родительскими обязанностями

и не имеющие перспективы быть привлеченными к ответственности за ненадлежащее осуществление родительских прав. Безусловно, это дает основания утверждать о новой для теории семейного права форме родительского правоотношения с особым субъектным составом на стороне родителей.

Список литературы

1. Несмеянова И.А. К вопросу о принципах семейного права // *Legal Bulletin*. 2023. № 1. С. 32–39.
2. Воронина С.В. Специфика правового регулирования имущественных отношений несовершеннолетних членов семьи // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5, № 2. С. 165–173.
3. Ильина О.Ю. Представительство интересов детей при рассмотрении судами дел о расторжении брака: конфликт объективного и субъективного // *Роль адвоката в обеспечении эффективности судебной защиты: монография / под общ. ред. Л.В. Тумановой*. М.: Проспект, 2023. С. 78–84.
4. Леканова Е.Е. Приоритетное право на воспитание: история и современность // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. Т. 1, № 4. С. 42–52.
5. Ильина О.Ю. О правах и обязанностях бабушек и дедушек в семейных правоотношениях с участием детей // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 20–28.
6. Комиссарова Е.Г. Отношения по фактическому воспитанию ребенка: проблемы семейно-правовой институционализации // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. № 1. С. 130–153.
7. Тарусина Н.Н. Семья как общеправовая конструкция // *Lex russica*. 2020. Т. 73, № 4. С. 21–33.
8. Экспертная оценка влияния на развитие ребенка проживания с трансгендерным родителем / Е.Я. Шукина, Н.К. Харитоновна, О.А. Русаковская, О.К. Бодрова, С.С. Кулаков // *Практика судебно-психиатрической экспертизы: сборник №53 / под ред. Г.А. Фастовцова*. М.: ФМИЦПН им. В.П. Сербского Минздрава России, 2015. С. 52–68.
9. Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. Договоры в сфере родительства: «война и мир» или «война миров» // *Социально-юридическая тетрадь*. 2016. № 6. С. 78–93.
10. Анисимов А.П., Мограбян А.С. Договор о суррогатном материнстве в России и зарубежных странах // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. Т. 15, № 5. С. 117–125.
11. Астапова Т.Ю. Традиционные семейные ценности как направление совершенствования семейного законодательства // *Семейное и жилищное право*. 2023. № 3. С. 2–4.
12. Ксенофонтова Д.С. Семейное право в условиях формирования новой социальной реальности: доктринальные начала правоприменения // *Lex russica*. 2021. Т. 74, № 11. С. 124–133.

13. Гринева А.В. К вопросу о новой идеологии правового регулирования родительского правоотношения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2 (70). С. 15–22.
14. Тихонов А.Н. Некоторые аспекты правового регулирования отношений суррогатного материнства // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 56–64.
15. Богданова Е.Е., Белова Д.А. Актуальные проблемы реформирования законодательства о суррогатном материнстве // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 4. С. 66–75.
16. Лесина Е.А. Замещающая кровная семья как социокультурная среда для ребенка, оставшегося без попечения, условия и особенности ее профессионального сопровождения // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 3. С. 173–178.
17. О концепции совершенствования законодательства, регулирующего отношения детей и родителей / Н.В. Тригубович, О.А. Хазова, С.Ю. Чашкова, Е.А. Чефранова // Закон. 2022. № 1. С. 28–38.
18. Комиссарова Е.Г. Социальные родители и социальное воспитание ребенка в юридическом дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. 2023. Т. 14, вып. 2. С. 542–559.
19. Комиссарова Е.Г., Идрышева С.К., Краснова Т.В. Личные неимущественные отношения отчима и пасынка: в поисках юридических сущностей // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2022. № 2 (69). С. 73–85.
20. Рабец А.М. Влияние брака на правовое положение родителей (нормотворческий опыт Российской Федерации и стран ближнего зарубежья) // Семья и семейные ценности в РФ: социально-правовой аспект: материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к юбилею доктора юридических наук, профессора Ю.Ф. Беспалова. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 243–253.
21. Кожина Ю.А. Дифференцированная юридическая природа термина «члены семьи» // Право и государство: теория и практика. 2021. № 12 (204). С. 78–80.

References

1. Nesmeyanova I.A. On the issue of the principles of family law. *Legal Bulletin*. 2023;(1):32–39. (In Russ.)
2. Voronina S.V. The specifics of the legal regulation of property relations of minor family members. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2021;5(2):165–173. (In Russ.)
3. Il'ina O.Yu. Representation of the interests of children in the consideration of divorce cases by the courts: the conflict of objective and subjective. In: Tumanova L.V. (ed.) *The role of a lawyer in ensuring the effectiveness of judicial protection*. Moscow: Prospekt; 2023. P. 78–84. (In Russ.)
4. Lekanova E.E. The priority right to education: history and modernity. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2024;1(4):42–52. (In Russ.)
5. Il'ina O.Yu. On the rights and obligations of grandparents in family legal relations involving children. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Tver State University. Series: Law*. 2021;(4):20–28. (In Russ.)

6. Komissarova E.G. Relations on the actual upbringing of a child: problems of family and legal institutionalization. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2021;(1):130–153. (In Russ.)
7. Tarusina N.N. The family as a general legal structure. *Lex russica*. 2020;73(4):21–33. (In Russ.)
8. Shchukina E.Ya., Kharitonova N.K., Rusakovskaya O.A., Bodrova O.K., Kulakov S.S. Expert assessment of the impact of living with a transgender parent on a child's development. In: G.A. Fastovtsova (ed.). *Practice of forensic psychiatric examination: Collection No. 53*. Moscow: FMITSPN im. V.P. Serbskogo Minzdrava Rossii; 2015. P. 52–68. (In Russ.)
9. Tarusina N.N., Sochneva O.I. Contracts in the field of parenthood: "war and peace" or "war of the worlds". *Sotsial'no-yuridicheskaya tetrad' = Socio-legal notebook*. 2016;(6):78–93. (In Russ.)
10. Anisimov A.P., Mograbyan A.S. The contract on surrogacy in Russia and foreign countries. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2020;15(5):117–125. (In Russ.)
11. Astapova T.Yu. Traditional family values as a direction for improving family legislation. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*. 2023;(3):2–4. (In Russ.)
12. Ksenofontova D.S. Family law in the context of the formation of a new social reality: doctrinal principles of law enforcement. *Lex russica*. 2021;74(11):124–133. (In Russ.)
13. Grineva A.V. On the issue of a new ideology of legal regulation of parental legal relations. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Tver State University. Series: Law*. 2022;(2):15–22. (In Russ.)
14. Tikhonov A.N. Some aspects of the legal regulation of surrogacy relations. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian law: education, practice, science*. 2023;(3):56–64. (In Russ.)
15. Bogdanova E.E., Belova D.A. Actual problems of reforming legislation on surrogacy. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2021;16(4):66–75. (In Russ.)
16. Lesina E.A. A substitute blood family as a socio-cultural environment for a child left without care, conditions and features of its professional support. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2020;26(3):173–178. (In Russ.)
17. Trigubovich N.V., Khazova O.A., Chashkova S.Yu., Chefranova E.A. On the concept of improving legislation regulating the relationship between children and parents. *Zakon = Law*. 2022;(1):28–38. (In Russ.)
18. Komissarova E.G. Social parents and social upbringing of a child in legal discourse. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of St. Petersburg University. Series: Law*. 2023;14(2):542–559. (In Russ.)
19. Komissarova E.G., Idrysheva S.K., Krasnova T.V. Personal non-property relations of stepfather and stepson: in search of legal entities. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan = Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*. 2022;(2):73–85. (In Russ.)
20. Rabets A.M. The influence of marriage on the legal status of parents (standard-setting experience of the Russian Federation and neighboring countries). In: *Sem'ya i semeinye tsennosti v RF: sotsial'no-pravovoi aspekt: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, priurochennoi k yubileyu doktora yuridicheskikh nauk, professora Yu.F. Bepalova = Family and family values in the Russian Federation: socio-legal aspect: materials of the Interna-*

tional Scientific and Practical Conference dedicated to the anniversary of Doctor of Law, Professor Yu.F. Bepalov. Moscow: RG-Press; 2019. P. 243–253. (In Russ.)

21. Kozhina Yu.A. The differentiated legal nature of the term "family members". *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and Government: theory and practice*. 2021;(12):78–80. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Гринева Анна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: annagrין@rambler.ru,
ORCID: 0000-0001-8576-3522

Anna V. Grineva, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of Civil Law Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: annagrין@rambler.ru,
ORCID: 0000-0001-8576-3522